

Я делаю спектакли для того, чтобы не соблюдать никаких требований

Одна на сцене, тело гладкое и лишенное сексуальности, как греческая статуя, Дария Липпи представляет одновременно Пентесилею и Ахилла, разум и чувство, рай и ад, человека и животное, икону и воина, мужчину и женщину... Спектакль "К Пентесилее", показанный в рамках фестиваля NET, поставлен Эриком ЛАКАСКАДОМ по произведению "проклятого романтика" Генриха Кляйста. 45-летний французский режиссер говорит, что сотворять театр всякий раз надо так, как если бы он был незнакомцем, на поиски которого приходится отправляться.

— Эрик, NET — далеко не первый ваш фестиваль?

— Я принимал участие в очень большом количестве фестивалей — в Рио-де-Жанейро, Мехико, Белграде, много раз — в Авиньоне...

— А где бывал спектакль "К Пентесилее"?

— Я поставил его всего год назад. Он не так много путешествовал. На фестивале он был показан только в Модене, много гастролировал по Франции, был в Швейцарии...

— Вы что-то успели посмотреть на фестивале NET? Нашли в его программе известные вам имена?

— Среди участников не нашел. Но название фестиваля мне было известно, так же как и то, что он становится все более интересным и предствительным, как я слышал. К сожалению, совсем не было времени что-то увидеть. Перед отъездом успею посмотреть на сцене театра Анатолия Васильева спектакль "День гнева" Томаса Ричардса, привезенный Центром Ежи Гротовского из Понтедеро. В течение пятнадцати лет Гротовский был моим другом. И другом Анатолия Васильева. Ежи Гротовский умер несколько лет назад, но его коллеги продолжают работу в центре. И я на сцене "Комеди де Кан", и Васильев в своем театре помогаем этой театральной компании.

— Вы знаете других российских режиссеров?

— Лично — нет. Но я видел спектакли Додина, Фоменко, дипломный спектакль Ивана Поповски в ГИТИСе, который показался мне очень интересным.

— Эрик, еще до того, как вы стали директором "Комеди де Кан", у вас ведь был немалый опыт работы в театре?

— До этого я работал в независимой компании, в труппе Баллатом, в городе Лилле. Восемь лет назад министр назначил меня директором "Комеди де Кан", который является одним из тридцати национальных драматических центров — театров, возглавляемых режиссерами. Через год мой контракт заканчивается, и дальнейшая карьера будет зависеть от решения министра.

— Вы начинали свою карьеру как актер?

— Я начинал на улице — играл в любительских труппах, по мере овладения профессией стал работать в университетском театре (в течение 5 лет я изучал политологию и юриспруденцию в Лилльском университете). Сначала был актером, но мало-пома-

лу, сколачивая свои труппы, все чаще и чаще ставил сам. Мы делали спектакли в местах, изначально для этого не предназначенных, — на заброшенных площадках и в подземных гаражах и паркингах, на месте старых промышленных объектов. Вначале это были спектакли с минимумом слов, максимумом физических действий и почти без использования технологических приспособлений. Постепенно я начал работать над текстами, сделал три, четыре, пять спектаклей, но все же с небольшим количеством слов, это были импровизации актеров на определенную тему, мы много гастролировали во Франции и за границей. Когда "повзрослел", наработал какой-то театральный язык, в моем репертуаре появились спектакли с присутствием текста: "Двойное непостоянство" Мариво, "Федра" Расина, "Электра" Софокла, четыре пьесы Чехова.

— Насколько рентабелен театр, который работает на импровизированных площадках?

— Наш театр был очень популярен, поэтому на жизнь мы зарабатывали. Конечно, играли роль и дотации министерства культуры, которые предоставляются независимым компаниям, не имеющим своего помещения, чтобы дать им возможность заниматься творческим поиском. Но все равно приходилось очень много играть, гастролировать.

— То есть труппа существовала на деньги, вырученные от продажи билетов?

— Не совсем так, мы продавали не билеты, а спектакли. Именно таким образом мы приехали в сезоне 1991/92 года в Москву и сыграли на сцене Театра Вахтангова "Двойное непостоянство" Мариво (тогда же мы возили этот спектакль в Санкт-Петербург и Киев).

— Сколько актеров в труппе "Комеди де Кан"?

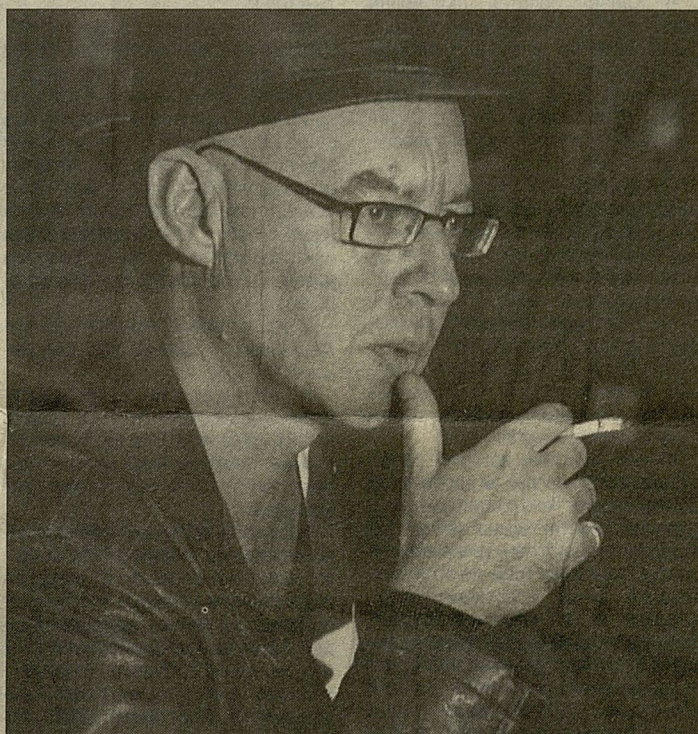
— В моей труппе нет штатных актеров на зарплате. Я нанимаю их только на время работы, причем практически одних и тех же.

— То есть постоянного, даже маленького состава нет?

— Состав постоянный, но непостоянно оплачиваемый. Между проектами мы перезваниваемся, обсуждаем, размышляем. Но платят актерам, только когда они работают.

— Как пришла к вам в театр Дария Липпи?

— Я встретил ее двенадцать лет назад в Италии, она тогда еще не говорила по-французски, стажировалась в Понтедеро, работала с Гро-

Э.Лакаскад

товским. Меня пригласили туда поработать с актерами. Тогда же я позвал ее во Францию.

— Чем Дария занимается в промежутках между проектами?

— Она ждет, когда я ее позову!

— В спектакле "К Пентесилее" вы отталкивались от индивидуальных возможностей актрисы?

— Дария Липпи работает практически во всех моих спектаклях. Мы отталкивались не только от ее возможностей, но и от текста, над адаптацией которого для одного исполнителя мы трудились вместе. Мне не пришлось искать актрису на роль — она сама предложила этот проект и смогла его осуществить.

— Для Франции актриса, играющая обнаженной, — явление привычное? Не было ли возражений и упреков со стороны добрых католитов, например?

— Это совсем нетипично для французского театра. Но я никогда не слышал ни замечаний, ни упреков по поводу обнаженной натуры, потому что ее присутствие в спектакле обоснованно. Мне кажется, люди понимают: это — не провокация, не эксгибиционизм. Никаких обвинений — наоборот, зрители находят это прекрасным: обнаженное тело, переливающееся цветами мрамора.

— Вашему театру, в принципе, свойственны элементы гимнастики?

— Да, участие тела очень важно. Актеры в отличной физической форме, они не просто воспроизводят слова, у них есть тело, чувственность, физическая сила, которые они используют на сцене. Они, конечно, не акробаты, но так же, как для многих русских актеров, умение петь

или двигаться для нас — необходимый минимум.

— Вы поставили четыре пьесы Чехова, почему вам предпочтительнее именно этот русский драматург?

— Чехов — прежде всего врач, который наблюдает за поведением людей так, как это делают в клиниках, — деликатно, отстраненно, естественно. Я люблю именно эти пьесы — "Иванова", "Чайку", "Три сестры" и "Платонова" ("Вишневый сад" и "Дядю Ваню" — меньше). Скажем, "Чайка" для актеров — богатейший материал для работы, много подтекста, свободы импровизировать, игры воображения. В то же время для режиссера — дело сложное, следовательно, прекрасная возможность совершенствовать свое мастерство. Кроме того, "Чайка" — пьеса для большого коллектива актеров, что мне тоже очень нравится.

— Ваши постановки Чехова были классическими?

— Я не ставил их в абсолютно авангардном стиле — не использовал, например, технических средств, видеоаппаратуры. Но мне кажется, что современное прочтение — это то, что я чувствую.

— Много ли показов выдерживают пьесы Чехова в Европе?

— "Иванова" я ставил даже два раза — в 85-м и 96-м годах, с разным составом актеров. Оба раза пьеса шла около двух лет. Так же как и "Чайка" и "Платонов".

На сцене нашего театра мы не играем одно и то же сорок раз подряд. Три-четыре раза — и мы переезжаем

в другой город. В этом режиме "Платонов" был показан 120 раз, "Иванов" — 150 раз, "Чайка" — 120 раз. Каждый из них мы сыграли на нашей сцене по десять раз. Потом наши спектакли были куплены. "Платонова" мы показывали на фестивале в Авиньоне на огромной площадке под открытым небом в Почетном дворе Папского дворца, рассчитанном на две тысячи зрителей.

— Перед "Пентесилеей" вы поставили "Гедду Габлер" Ибсена с очень известной в России Изабель Юппер в главной роли.

— Спектакль вышел год назад. Мы сыграли 50 спектаклей в парижском "Одеоне", гастролировали в Барселоне, Швейцарии, Германии. Но сегодня он уже не идет, поскольку Изабель очень занята в кино.

— У вас есть планы вернуться в Россию?

— Хотелось бы вернуться! В настоящее время я занят постановкой пьесы Максима Горького "Варвары", которая будет показана на фестивале в Авиньоне. Этот спектакль, сделанный совсем иначе, чем "Пентесилея", хотелось бы привезти и в Россию.

— Что такое сегодняшний французский театр по сравнению с театром тридцатилетней давности?

— Сегодняшний театр — это коллективное объединение, общность с аудиторией (феномен, редко возникающий где-либо, кроме как во время богослужения); люди — едины, они дышат в одинаковом ритме, и то же самое происходит с теми, кто находится напротив, — довольно странное явление. Если спектакль действительно хорош, работают все. В отличие от кино и телевидения театр — место коллективной работы, особый ритуал.

— Вы верите в то, что театр может изменить мир?

— Нет, но он способен вызвать шок или потрясение. Бывает, что произведение театрального искусства человек помнит всю жизнь, бывают спектакли провальные — все это производит внутри человека нечто: скажем, желание с кем-то встретиться, или пойти поесть, или придает физическую энергию. Не театр производит революции — их совершают политики, среди которых есть и те, кто ходит в театр, культурные люди, читающие великих писателей, и именно это является для них индивидуальным толчком к действию.

— В одном из своих интервью вы сказали, что реализм в театре заставляет вас скучать.

— "К Пентесилее" — доказательство тому.

— Но если речь идет, скажем, о классической пьесе, считаете ли вы для себя обязательным соблюдать требования автора?

— Я занимаюсь театром для того, чтобы не соблюдать никаких требований. Только для этого.

Беседу вела
Светлана ПОЛЯКОВА
Фото Михаила ГУТЕРМАНА

Лакаскад Эрик

14.12.05